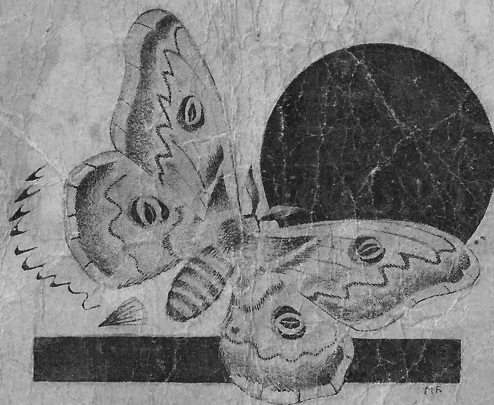

Цена 15 коп.

Ф. МЮЛЛЕР

КАМЕРУНСКИЕ СНЫ

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ „ОГОНЕК“

Принимается только вместе с журналом „ОГОНЕК“.
Еженедельный иллюстрированный журнал „ОГОНЕК“ с приложением
ДВУХ книжек Библиотеки „ОГОНЕК“ еженедельно к каждому номеру.

1 мес.—1 р. 40 к., 3 мес.—3 р. 75 к.,
6 мес.—7 руб., 1 год—13 р. 50 к.

АДРЕС:

Москва 6, Страстной бульвар, д. 11, телефон 5-51-69.
Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.

■ ■ ■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 314

АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК“
МОСКВА—1928

КНУТ ГАМСУН БРОДЯГИ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 310
Акц. Изд. Ово „ОГОНЕК“
МОСКВА - 1928

ИЗБРАННЫЕ ПЕСНИ БЕРАНЖЕ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 302
Акц. Изд. Ово „ОГОНЕК“
МОСКВА - 1928

Ал. ТОЛСТОЙ ВЕЛИКОСВЕТСКИЕ БАНДИТЫ

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 295
Акц. Изд. Ово „ОГОНЕК“
МОСКВА - 1927

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ ВСТРЕЧИ

В. И. ЛЕНИН
А. И. КСЕНИН
КНУТ ГАМСУН
И. Л. Я. С. А. П.
ЧАРЛИ ЧАНДИН
С. ОИЗЕНШТЕЙН

Предисловие А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 288
Акц. Изд. Ово „ОГОНЕК“
МОСКВА - 1927

ФРИДРИХ МЮЛЛЕР

КАМЕРУНСКИЕ СНЫ

CAMEROONS DREAMS

Перевод П. ОХРИМЕНКО

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“

Москва — 1928

Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграфа.
Москва, Арбат, Филипповск., 13.
Тираж 30.000.
Главлит № 99.074.

В течение двух дней, пробираясь по дремучим лесам Камеруна, я не встречал ни одной деревни, ни одного поселка и почти не видел людей, и, тем не менее, все время я чувствовал себя самым счастливым человеком, ибо я был преисполнен любви ко всему окружающему. А кто любит, тот всегда счастлив.

Здесь я видел огромные деревья, с совершенно прямыми, как свеча, стволами, которые, поднимаясь из глубины голубоватых теней, возносились к солнечному свету, образуя своей роскошной листвой зеленые балдахины. Здесь я с трудом пробирался среди огромных белых лиан, тесно сплетавшихся между собой от корня до самой верхушки. Повсюду под деревьями стояли огромные зеленые папоротники; они высоко поднимали свои головы, стремясь схватить малейшую каплю дождя или росы. Жирный, мягкий чернозем, непроницаемая тишина и внезапный рев невидимых водопадов окутывали все тяжелой завесой и создавали впечатление вечности, бесконечного течения жизни. Путешественники обычно говорят, что в таких лесах у них является чувство, как будто их что-то душит;

что же касается меня, то я был преисполнен чувства полного покоя и какой-то внутренней расширяемости, порожденной чудесной природой.

Несмотря, однако, на огромное удовольствие, которое я испытал, я с каким-то необыкновенным облегчением и радостью на душе въехал в первую деревню, стоявшую на открытой поляне. Деревня эта, которую я завидел еще издали, называлась Адiana, и прелестная легкость ее названия отражалась в ее строениях. Все они были из золотистого бамбука и сидели, как птичьи клетки, на высоких, тонких столбах, поддерживавших их над оврагом. Всюду весело распевали черные дрозды. Мои носильщики, завидев деревню, понеслись галопом. Пробегая по деревне, они весело смеялись, с игривым притворством пугая женщин, детей и стариков; кричали, прыгали, бесились. Одним прыжком они очутились на склоне невысокого холма, на вершине которого блестел дом управителя, тоже построенный из бамбука.

И в ту же минуту на балконе дома показался человек; заслонив глаза рукой от солнца, он воскликнул:

— Что! Это ты? Здесь?

Я уже выскочил из своей флианзаны—походного гамака.

— Штейн!—воскликнул я радостным голосом, приветствуя своего друга; тот мгновенно спрыгнул с балкона на землю и крепко пожал мне руку. Мои носильщики одну минуту стояли рядом, затем, предвкушая более материальные радости, они начали кружиться и притопывать ногами и, наконец, пустились бегом

в деревню; в своих белых развевающихся одеждах они были похожи на группу пляшущих женщин.

Иосиф Штейн взял меня за руку повыше локтя, точь-в-точь так, как делал это когда-то давно, когда мы расхаживали по коридорам университета.

— Я буду говорить с тобой так, как говорят в Камеруне,—сказал он,—потому что нигде гостеприимство не выражается такими поэтическими словами: «Дружба—лучший аромат жизни! Пусть мой очаг будет твоим; мой кров — твоим».

— Спасибо, спасибо!.. Ты живешь здесь один?

— Совершенно один,—сказал Штейн, внимательно оглядывая меня.—После минутной паузы он продолжал:—Ни жены, ни кошки! Совершенно один. Приходилось ли тебе когда-нибудь задумываться над тем, чем был эдем до появления в нем Евы?

Только теперь, когда я уловил в его словах, сказанных слегка в нос, нотку иронии, что было так ново для меня, я понял, что нас отделяли друг от друга пятнадцать долгих лет и те неизвестные мне события, которые произошли за это время.

— Сюда,—сказал Штейн.

— Ах!—невольюно вырвалось у меня.

Комната, куда я вошел, была увешана растительными волокнами золотистого цвета, наводившими на мысль, что то растение, из которого они добывались, содержит золото.

На этом фоне солнечного света красовались тысячи бабочек с распростертыми многоцветными крыльями. При первом взгляде вид такого необычного хаотиче-

своего блеска на минуту породил во мне невольный страх. Но при более тщательном рассмотрении я увидел, что хаос был только кажущимся, что бабочки были размещены по определенному плану и в порядке солнечного спектра.

Ближайшей ко мне была лента красных бабочек; над ней—целая масса оранжевых, желтых и зеленых, а голубые, темно-голубые, лавандовые и фиолетовые протянулись у самого потолка. Бабочки были мертвы, но блестящие цвета создавали такое впечатление жизни,—радостной, кипучей жизни, что невольно пробуждали во мне приятное чувство духовного удовольствия.

— Ну, ну!—воскликнул я.—Я видел так много управителей и губернаторов, окружающих себя кусками различных минералов и руд и драгоценными камнями и смотрящих на свою провинцию, как на страну золота и серебра, что я несказанно рад видеть здесь, в твоём доме, эти действительно чудесные гобелены...

— Да что ты говоришь? — воскликнул мой друг, усмехнувшись, в то время как его взгляд сделался острым и, казалось, пронизывал меня с каким-то болезненным любопытством.—Итак, значит, большинство моих коллег предпочитает минералы?... Твои слова интересуют меня, глубоко меня интересуют,—повторил он, глядя на меня блестящими глазами.

— Однако, мне кажется странным,—сказал я,—что ты, самый серьезный человек из тех, кого я знаю, сделался горячим поклонником самого капризного и нестойкого существа в мире.

В ответ на мои слова Штейн заговорил быстро и страстно:

« Не говори так. Такое представление ложно, сентиментально и пусто, как язык, приписываемый людьми цветам. Бабочка не заслуживает того, чтобы ее называли ветреной и непостоянной, как это делают люди, особенно женщины. И вообще, что ты этим хочешь сказать? Подразумеваешь ли ты под этим отношение бабочки к различным цветам? Но ведь пчела, мудрая пчела, поступает так же! Ты забываешь, что бабочка интересуется не яркой окраской различных цветов, а их соком! Сок! Бабочка всегда верна соку. Ты думаешь, что она играет в любовь? А знаешь ли ты, что бабочка-самец часто предпринимает далекие и опасные путешествия, летит день и ночь, чтобы отыскать себе самку? И представляешь ли ты себе, что она находит самку с гораздо большей проникательностью, чем цветок, дающий ей питание? Другими словами,—разве ты не видишь, как она верна и преданна в своей любви? Можно ли требовать от насекомого еще большего доказательства преданности и верности?

— В таком случае, ты думаешь, мы должны реабилитировать это влюбчивое существо?

— Конечно!—Штейн даже не улыбнулся.—Единственное непостоянное существо на земле—это женщина. И даже ее непостоянство объясняется не легкомыслием, как думают многие, а ее верностью одной неотступной идее, заключающейся в чрезмерном восхищении собой. Может быть, не даром некоторые бабочки,

всю жизнь танцующие друг около друга, так как им нравится любоваться собой, получили название «нарциссов¹». Но если это название применимо к бабочкам, то насколько было бы правильнее применить его к женщинам, в силу той же самой причины!

Штейн вдруг вспомнил о завтраке, и мы направились в столовую. Меню указывало на то внимание, с каким мой друг составлял его, чтобы дать мне возможность отведать лучших продуктов страны, которую он так любил. К концу завтрака был подан тот волшебный напиток — черный кофе — который будит мысль и заставляет работать фантазию; и все время мой взор невольно останавливался на этих изумительных рядах бабочек, которые так прекрасно дополняли общую волшебную картину.

После кофе Штейн встал, написал на аспидной дощечке меню обеда и передал ее своему бото-слуге-туземцу. Затем, повернувшись ко мне, он сказал с какой-то странной улыбкой:

— А теперь мы пройдем с тобой в мой сад!

II

Дом Штейна стоял на холме, у опушки огромного леса; верхушки деревьев, казалось, кипели на ярком, горячем солнце. При свете полуденного солнца зелень листвы сгустилась до темно-голубого цвета и казалась какой-то массивной горой малахита.

¹ В переносном смысле — влюбленный в себя.

— Взгляни вокруг!—воскликнул Штейн, когда мы вошли в лес.

Я посмотрел. Все пространство под деревьями, воздух, кустарники,—все было заполнено мириадами бабочек. Они вылетали из пустых стволов деревьев, как пчелы из улья. Они вылетали из расщелин в скалах; они выползали из розоватых и аметистовых листьев пальмовых деревьев; они появлялись из темных кустов, которые, подобно апельсиновым деревьям, были усеяны белыми почками. Они вылезали из-под листьев и из-под мха. Они были повсюду; порхая то в одиночку, то целым роем, они, казалось, наполняли весь лес, как в сказке, какой-то волшебной жизнью.

Некоторые из них поднимались высоко к небу, как бы стремясь к солнечному свету. Другие ползали по деревьям, переходя с ветки на ветку, словно были заняты отыскиванием цветов. Многие падали на землю и терялись в травах, ища меда; а многие просто праздно летали назад и вперед, как бы наслаждаясь полетом. Но большинство, огромное количество их, вращалось вокруг собственной оси, предпочитая удовольствие любви всем другим видам удовольствия. Их формы полета были так же разнообразны, как разнообразно пение птиц. Этот необыкновенный дрожащий узор красок создавал впечатление какого-то глухого рокота, поднимавшегося от огромного неподвижного леса.

Штейн, положив руку мне на плечо, сказал:

— Можешь записать, что Камерун—земной рай самых изящных бабочек в мире. Для того, чтобы быть

окруженным все время возможно большим количеством этих невинных, воздушных созданий, я приложил много труда; я собрал здесь все растения и минералы, которые они больше всего любят. Таким образом, я имею здесь, так сказать, редчайшую коллекцию живых бабочек. У меня есть самая величественная антенор, самая изящная диадема, самая радужная пресит, самая прозрачная акража, сверкающая саламис и самая блестящая из всей плеяды — золотая или царственная бабочка. Но самой красивой из всех, королевой бабочек, является акцияс кометес, встречающаяся только в центральной Африке. Это—комета и вместе с тем—орхидей. Она жемчужно-белого цвета, как полная луна, и вылетает только ночью.

Лицо Штейна вдруг как-то таинственно изменилось. Какое-то особенное выражение появилось у него в глазах, словно он внезапно сделался жертвой галлюцинации, — выражение, какое мне нередко приходилось видеть у людей науки. Из таких людей я особенно припоминаю профессора геологии Мюнхенского университета, который, будучи послан в научную экспедицию, потребовавшую нескольких лет, так был очарован жизнью среди первобытной природы, что не пожелал вернуться на родину и навсегда остался вдали от культуры.

Штейн стоял на одном месте, как зачарованный; на лице его играла чуть заметная улыбка. Отчасти, чтобы поддержать разговор, я спросил:

— А каково отношение туземцев к бабочкам?

— Они относятся к ним с суеверным почитанием которое является последним отблеском религии, основанной на бессмертии. Так, например, у одного из туземных племен существует обычай завертывать покойников в шелк, как настоящие коконы: туземцы полагают, что душа после смерти выходит из тела, как бабочка выходит из куколки. И у них одно и то же слово — л о л о — служит названием и бабочки и человеческой души.

Говоря со мной, Штейн незаметно подвигался в глубь леса. По мере нашего продвижения вперед, почва постепенно повышалась. Мы шли по тропинке, проложенной дикарями; земля у нас под ногами была рыжевато-красного цвета; по ней ползали огромные стоножки, казавшиеся змеями-медянками.

Штейн мимоходом знакомил меня с теми странными названиями, какие дают деревьям туземцы. Одно называлось «притягателем молнии», другое — «дерево строителей каноэ» ¹, третье — «гробовое дерево», четвертое — «дерево-улей», и т. д. Большинство деревьев были похожи одно на другое. Все это были эбеновые деревья, но под корой они были различного цвета — черного, розового, зеленого и фиолетового.

Узкая тропинка вдруг стала шире, и мы теперь шли уже не друг за другом, а рядом. Штейн возобновил разговор:

— Моя страсть к бабочкам,—начал он,—быть может, кажущаяся тебе странной,—это все, что осталось от моей любви к женщине...

¹ Каноэ — небольшая лодка, пирога.

Пройдя несколько шагов молча, он продолжал:

— Однажды, в весенний день, когда мне было двадцать три года, я отправился в музей, где должна была состояться лекция о рыбах, живущих на большой глубине. Во время лекции я обратил внимание на молодую девушку, сидевшую рядом со мной; она слушала лектора с таким вниманием, словно была влюблена в предмет его лекции. Я был так поражен этим необыкновенным проявлением интереса, что вначале не обратил даже внимания на ее лицо, которое было необычайной красоты. Она была брюнетка; у нее были голубые глаза, прямой нос, правильный профиль и какое-то мечтательное, мягкое выражение лица, какое можно видеть на женских портретах Рубенса. Увидев раз такое лицо, его никогда уже не забудешь.

«На другой день я встретился с ней в библиотеке музея. Она сидела за столом напротив меня, погрузившись в книгу. В полдень она кончила свои занятия и вышла из библиотеки, неся подмышкой большой черный футляр. Быть может, она знала, что я пойду за ней, а, может быть, и нет. Во всяком случае, я вышел из библиотеки вслед за ней.

«Она направилась в Ботанический сад. Я поспешил за ней. Догнав ее, я подошел к ней, поклонился, рассыпался в извинениях и вообще чувствовал себя очень смущенным. Ее длинные ресницы так дрожали, закрывая ее внезапно потемневшие глаза, что мне показалось, она видит меня в первый раз, и я уже пожалел, что заговорил с ней. Но было уже поздно. Смущенно

пробормотал я свое имя и спросил ее, не зная, что еще можно сказать.

«Она отвечала с легкой непринужденностью, облегчившей мое затруднительное положение.

«— Как меня зовут? Хильдегарде Кайзерберг, — и когда ее взгляд меланхолически остановился на мне, она добавила: — дочь Генриха Кайзерберга.

«— Кайзерберга! — вскричал я, страшно изумленный. — Как! Вы дочь автора «Жизни ласточек», «Соловья» и «Эстетики гнезда»?

«— Да, я дочь Генриха Кайзерберга.

«Я сказал, что она должна гордиться таким отцом, имя которого все больше и больше завоевывает себе славу.

«— Это верно, — согласилась она, — но научная слава дает очень мало реальных результатов. При жизни моего отца моей матери все время приходилось работать, чтобы поддерживать семью.

«— Когда же государство будет заботиться о своих лучших интеллектуальных силах? — воскликнул я с негодованием... — Разрешите мне зайти к вам как-нибудь. Я хочу познакомиться с вашей матерью.

«— Пожалуйста, — сказала она, чуть заметно улыбаясь такому необычному знакомству, и протянула мне руку.

«Когда я взял ее за руку, я был удивлен и испытал чувство внезапного разочарования: рука ее была удивительно холодная и такая нежная, почти прозрачная, что казалась неосязаемой; мне хотелось задержать ее на минуту в своей руке, чтобы лучше разглядеть.

Очаровательность этой девушки заключалась, главным образом, в какой-то таинственности, поэтичности; она, казалось, была существом из другого мира, сотканным из воздушных материй,—легкая и многоцветная. Но в то же время, в ней было что-то сильное, императивное.

«— Какая нежная рука!

«— Она должна быть нежной при моей работе.

«— А чем вы занимаетесь?

«— Расправлением крыльев бабочек.

«Мне никогда не пришло бы в голову, что такая молодая девушка может заниматься расправлением крыльев бабочек. Мне казалось, что эта работа совсем не для молодых, очаровательных девушек. И я был очень удивлен. Ее слова, произнесенные здесь в саду, где мы были окружены цветами, так очаровали меня, что я сразу почувствовал к ней сильную любовь.

«Она не могла не заметить моего глубокого интереса и открыла черный ящик, который держала подмышкой. Он был наполнен красивыми, разноцветными бабочками; самой красивой из них была бабочка цвета небесной лазури.

«— Эта вот, — пояснила она, — великий морфос; родина ее—Бразилия.

«Хильдегарде жила со своей матерью в Ботаническом саду в Берлине. Дом, в котором они жили, представлял собой одно из тех древних зданий, обвитых диким виноградом, которые, кажется, специально предназначены для сохранения семейных идиллий.

Столы, книги, научные инструменты и вся окружающая атмосфера говорили о том, что здесь жил человек науки, преданный ей всей душой.

«Я вошел в это обиталище великого научного ума с чувством любви и глубокого преклонения. Мои собственные слова, слова ее матери, произносимые просто и спокойно, и мягкая речь Хильдегарде, казалось, создавали вокруг нас атмосферу мира и согласия, и мы прекрасно понимали друг друга. Мое сердце по временам билось так быстро, словно его подгоняла какая-то сила, которой обладала Хильдегарде.

«В апреле я услышал первые воркованья диких голубей, сидевших на кленах. Я уже собирался сказать Хильдегарде о своем намерении, но она сама предупредила меня, обратившись ко мне с детской наивностью:

«— С этого дня мы будем считаться помолвленными, не так ли?

«В те чудные весенние дни я сходил с ума от радости. Целый год я прожил в каком-то упоении счастьем. Мы вместе ходили в университет. Мы во всем шли, так сказать, рука об руку; между нами была полная гармония. Мы даже не могли точно сказать, что больше влекло нас друг к другу — наша ли любовь или наше преклонение перед наукой? Мы изучали вместе антропологию, минералогию, астрономию и даже радиологию. К этой новой науке Хильдегарде питала особенную страсть, равно как с особенной страстностью она говорила всегда о нашей будущей совместной жизни.

Она обладала очень оригинальным умом и необыкновенной интуицией. Все это наполняло меня великой верой в наше будущее.

«Но мы все еще не были женаты. Да и как могли мы вступить в брак? Я получал столько, что мне хватало лишь на безбедное существование, Хильдегарде тоже зарабатывала немного. Она приобрела необыкновенный навык и умение расправлять крылья бабочек и насаживать их на булавы. Она работала для одного исследователя о. Борнео, который вел крупные дела по продаже замечательных бабочек. Он продавал их по цене бриллиантов, но Хильдегарде он платил не больше того, что получают бедные старухи, складывающие газеты для продажи.

Несмотря на все это, мы решили пожениться, как только кончатся мои экзамены. Моя невеста работала с утра до вечера, сидя у окна, пока ее глаза не начинали слезиться от кусочков тончайших чешуек, отлетающих от крылышек бабочек. Я весь день был занят в университете, а по ночам много писал на разные темы. Я писал для научных журналов и для журналов, посвященных сельскому хозяйству, промышленности и торговле.

«В один прекрасный день, к концу моего последнего года в университете, когда я занимался в кабинете отца Хильдегарде, сидя рядом с ней, она, повернувшись ко мне, вдруг спросила:

«— Сколько ты можешь, мой милый Иосиф, давать мне на платье, когда мы поженимся?

«Я был изумлен таким вопросом, услышав его от Хильдегарде, которая всегда была так предана науке. Кроме того, только накануне вечером в припадке какой-то особенной поэтической нежности, заявила мне, что дает обет так же преданно и бескорыстно служить науке, как в древние времена монахи служили богу, и что если это будет необходимо, она согласна всю жизнь ходить в самых простых, дешевых одеждах.

«Я не помню, что я сказал ей в ответ на это, но я просто пробормотал что-то про себя.

«— Видишь ли,—продолжала она,—я хочу кое о чем напомнить тебе. Мой вопрос, я думаю, должен ясно показать тебе, как опасно для нас жить только мечтами, забывая о практической жизни.

«Я все больше и больше дивился ее словам и мне становилось больно.

«— Я просто хотела напомнить тебе,—повторила она.—Если ты будешь обыкновенным врачом и к тому же, может быть, обремененным семьей, ты потерпишь неудачу не только в своих занятиях науками, но и в своей профессии. Послушай, что я скажу тебе, Иосиф. Я достаточно насмотрелась, как страдали мои родители благодаря бедности. И чтобы уберечь наше счастье, я хочу просить тебя об одной жертве. Я хочу, чтобы ты нашел себе службу где-нибудь в далекой колонии, какой-нибудь ответственный пост. Мы оба будем энергично работать,—я в Берлине, ты в колонии—и ты сможешь понемногу откладывать от своего жалованья. Ты будешь присылать мне все, что считается ценным: золото, жемчуг, драгоценные камни,

дорогие перья птиц, а также редкие экземпляры бабочек.

«— Гм! Даже бабочек!—воскликнул я, думая, что она смеется надо мной.

«— Да, бабочек,—подчеркнула она с самым серьезным видом.—Я прекрасно знаю, что говорю. Ты не имеешь представления, как велико число людей, интересующихся бабочками. Многие помешаны на них. Я сама знаю одного старика, который ворует деньги у своих родственников, чтобы покупать на них наиболее редкие экземпляры бабочек... Поверь мне и сделай так, как я говорю. Когда мы таким образом накопим достаточно денег—хотя бы временно нам и пришлось пожить вдали друг от друга,—тогда мы поженимся, и ничто не нарушит нашего счастья.

«Ее слова привели меня в отчаяние, но она была так очаровательна и так нежна со мной, что я, после некоторого размышления, согласился. Наше соглашение носило поэтический характер и вылилось в форму обета.

«На другой день я уже не пошел в университет, не желая встречаться ни с тобой, ни с другими моими друзьями. И, боясь изменить свое решение, я немедленно начал добиваться какой-нибудь службы в наших бывших колониях».

Когда Штейн говорил, глаза его блестели; взгляд был устремлен поверх скал и деревьев.

— Я прожил в колонии три года,—продолжал он.— И я, конечно, не мог чувствовать себя счастливым вдали от женщины, которую я любил. Будучи влюблен,

полный молодых сил и нетерпеливый от природы, я считал каждый прожитый день. Наконец я уже мог вернуться в Берлин, и тут, конечно, случилось то, что должно было случиться. При первом же свидании с Хильдегарде я увидел, что она была уже не та, что прежде. Она одевалась богато и изящно. Ее голос изменился; ее смех звучал как-то странно. Она не интересовалась более своими любимыми писателями. Что касается занятий науками, то все это осталось в прошлом. Словом, она совершенно изменилась и телом и душой.

При этом Штейн рассмеялся каким-то сухим смехом, который обнаружил его прекрасные зубы.

— Ну, и что же, — спросил я, — она сказала тебе что-нибудь в объяснение происшедшей в ней перемены?

— О да! Она сделала это в таких тонких и красивых выражениях, что лучше и не придумать. Она не только сумела произвести впечатление силой своего красноречия, она сумела убедить меня. Если бы она показалась мне просто ветреной, легкомысленной, то я легко расстался бы с ней, но ее женственность, ее мягкий нежный голос делали ее в высшей степени очаровательной.

«В день годовщины нашей помолвки я сказал ей:

«— Хильдегарде, ты должна помнить, что я явился к тебе с другого конца света.

«Она была счастлива и горда, подошла ко мне и поцеловала долгим, горячим поцелуем. Затем выпрямилась и сказала:

«— Я давно уже хотела написать тебе и сказать что-то, но не осмеливалась, боясь, что ты примешь это за простой каприз или еще за что-нибудь похуже. Но теперь, когда я опять вижу тебя, я не могу дольше утаивать и скажу тебе прямо, потому что к этому побуждает меня настоящая потребность моей натуры... Я хочу путешествовать, хочу видеть мир.

«— Но ведь это как раз то, что я...

«— Ты собираешься показать мне Африку,— прервала она меня.— Но я хочу раньше видеть Америку, хочу поехать туда на несколько месяцев. Я думаю и мечтаю об Америке днем и ночью. Я должна удовлетворить эту настоящую потребность своей души. Это несколько не должно беспокоить тебя. А чтобы янки, которые так любят молодых, интеллигентных иностранок, знали, что я не свободна, твое кольцо всегда будет украшать мой палец.

«Последние слова прозвучали для меня злой иронией.

« Но откуда вдруг это внезапное желание путешествовать?—спросил я.

«— Очень просто!—воскликнула она с некоторым удивлением.—Мой отец всю жизнь интересовался птицами. Есть ли что-либо удивительное в том, что он передал своей дочери страсть к пространству?

«Я попытался уговорить ее, ухватиться за то, что было неосвязаемо. Она бросилась мне на шею и воскликнула:

«— О, нет, нет, мой милый друг, не пытайся уговаривать меня. Я догадываюсь, в чем дело. Ты просто

страдаешь от одиночества на том огромном острове, где тебе приходится жить. Но почему тебе не вступить в связь с какой-нибудь туземной женщиной, не заключить с ней нечто в роде временного брака? А я обещаю тебе, что года через два я непременно сменю ее.

«Мне казалось, что я сойду с ума. Не помню, в каком состоянии я ушел домой в тот вечер. На другой день я узнал от ее матери, что в магазине бабочек, где работала Хильдегарде, недавно появился молодой американец, м-р Робинсон. Он был натуралист, прекрасно изучивший Альпы, и кино-оператор. Через посредство этого молодого американца Хильдегарде была приглашена на службу в одну крупную американскую кино-фирму. Эта фирма изготовляла псевдо-научный фильм, который должен был показываться во всех концах света, и Хильдегарде должна была позировать для кино-картины. Она сидела и расправляла бабочек, одетая, как всегда, в белую блузку. Оператор заставлял ее при этом улыбаться самой очаровательной улыбкой. И за такое позирование в течение нескольких минут она получала сто марок золотом.

«Мне теперь все было ясно. Хильдегарде, прежде всего, льстило то, что ее будут показывать во всех уголках мира; но больше всего ее интересовали деньги, которые ей платили. Золото ослепило ее. Дочь бедного ученого, с молодых лет вынужденная трудиться, она вдруг увидела перед собой новый мир, где человек может сделаться богатым в мгновение ока. Она постигла не одно новое слово, а два — Америка и кино».

Внезапно какое-то дикое «у-гу-у-гу» прокатилось по лесу; я вздрогнул от неожиданности. То был крик лемура, который, несомненно, следовал за нами, прыгая в высоте с ветки на ветку; чего-то испугавшись, он вдруг бежал от нас, издавая дикие звуки, напоминавшие крики сумасшедшего.

Но Штейн, не моргнув даже бровью, продолжал свой рассказ:

«Через месяц после моего возвращения в Германию, Хильдегарде, вместо того, чтобы плыть со мной по Индийскому океану в Африку, качалась на волнах Атлантики, держа путь в страну небоскребов. Вот уже скоро десять лет, как это случилось».

И Штейн начал считать по пальцам: «Филадельфия, Глазго, Спа, Цюрих, Стамбул». Названия этих городов, произнесенные в сердце тропического леса, звучали чем-то фантастическим. «Вот, мой друг, те города, где ей пришлось позировать за последние несколько лет, и куда бы она ни поехала, везде находится мужчина, который хочет жениться на ней». Грудь Штейна высоко поднялась, словно он хотел выдохнуть глубокий вздох, но из его сжатых зубов вырвался лишь какой-то свистящий звук. Он добавил: «И у меня уже не было желания возвращаться в Европу». После некоторой паузы он сказал: «А теперь я хочу показать тебе что-то...».

По правую сторону от нас, в лесной чаще, три громадных черных камня, поросшие лишаями и мхом, поддерживали огромную, тяжелую каменную плиту. Орхидеи склонялись над этой плитой роскошными гир-

ляндами; казалось, корни их скрывались у истока подземного ключа. Гигантские аркообразные папоротники возвышались над ней, произрастая на жирной почве. Огромные ветви деревьев свисали до самой земли, образуя полумрак и скрывая эту плиту от людского взора: плита эта отмечала древнюю могилу.

— Ты понимаешь,— сказал Штейн,— крепко сжимая мою руку повыше локтя,—ты понимаешь, что я всей душой полюбил туземцев. Для своих жилищ, в жизни, они выбирают самое легкое дерево во всем лесу — бамбук. Но для своих могил, в смерти, они берут самый тяжелый и самый массивный материал — камень. Серьезность в уединении — вот их вера.

У меня было слишком тяжело на душе, чтобы я мог что-либо сказать. Я не мог произнести ни звука. Я понял ясно и определенно, что Иосиф Штейн до конца своих дней останется в Африке.

За обедом мой друг казался смущенным и даже избегал смотреть мне в глаза. Но вдруг, повернувшись ко мне, он сказал:

— Я расскажу тебе все до конца.

И тотчас же начал рассказывать:

— Однажды майским утром, два года назад, я находился по делам службы в одной деревне, лежащей в нескольких милях отсюда. Вдруг ко мне прибегает мой слуга, который оставался дома. Он обратился ко мне со словами:

«— Женщина в а з - х а ¹ послала меня за вами. Она ждет вас...

¹Белая.

Я припомнил двух-трех белых женщин, живших в джунглях, милях в ста пятидесяти от меня.

«— Женщина? Белая женщина?

«— Не знаю; может, женщина, а может — девушка.

«— А какая она собою?

«— Не знаю; может, и красива — для вас.

«Я поспешил домой. На веранде моего дома сидела Хильдегарде. Высокая, тонкая, в прекрасном белом платье, она ждала здесь меня, как будто она всегда жила в моем доме. Представь себе мое изумление! Завидев меня издали, она встала и словно замерла на месте. Но, заметив мое удивление, она бросилась мне навстречу, схватила меня за руку и положила голову мне на грудь, как делала это раньше.

«— Мой милый, мой дорогой Иосиф! — бормотала она.

«Ее голос дрожал. Я понял, что она была страшно утомлена и измучена. Ты не можешь себе представить, насколько она была слаба. Мне казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Забывши обо всем, я с каким-то необыкновенным подъемом сил подхватил ее на руки и внес в дом.

«Осторожно усадил я ее в кресло. Я отослал из дому своего слугу, чтобы самому ухаживать за ней. Прежде всего, я постарался подкрепить ее силы пищей. Она следила за мной блуждающим взглядом, не будучи в состоянии скрыть своего удовольствия при виде человека, ухаживающего за ней; и все время она простирала руки вперед, точно хотела привлечь меня к себе.

«Я не мог удержаться, чтобы не спросить:

«— Вы теперь откуда?

«— Из Буссы, — ответила она тихим голосом.

«— Из Буссы?

«— Да. Я там замужем за английским магистратом.

«— А теперь разошлись?

«— Нет, я просто на время ушла от него.

«— А, вот как! Что-нибудь случилось?

«— Нет. Мы просто не понимаем друг друга. Он — эгоист. Он занят только охотой и своим граммофоном. Хотя он относился ко мне хорошо и согласен был отпустить меня обратно в Германию через Суэцкий канал. Но я настояла на том, что поеду южным путем, мимо мыса Доброй Надежды. Мне хотелось заехать к вам.

«— Хильдегарде! — вскричал я, — а почему вы бежали в Америку, когда я приезжал за вами в Германию?

«— Мой друг, у меня в ту пору не было времени хорошенько подумать об этом. У меня была страшная потребность узнать...

«— Что?

«— Я сама не знаю... что... — Она вдруг окинула взглядом комнату, и ее глаза остановились на бабочках. — Мой милый, мой дорогой Иосиф! Как хорошо с вашей стороны, что вы не забыли обо мне. Я почему-то была уверена в этом... Иосиф, не кажется ли вам, что я почти не изменилась? Может быть, я вам уже не нравлюсь, но я несколько не постарела. Меня до сих пор все называют фрейлен...

«Сирокко — знойный ветер, от которого спирает дыхание и во рту ощущается вкус пепла — свирепо дул весь день, и я нежно обмахивал ее опахалом. Постепенно, с улыбкой ребенка, которого укачивают, она покачала головой, закрыла глаза и заснула. Некоторое время я стоял рядом, любуясь ею. Она отдыхала в моем доме, как потерпевший кораблекрушение путешественник, — та, которая раньше была такой живой и веселой и которую я никогда еще не видал спящей. Я постоял около нее еще несколько минут и затем ушел в свою контору.

«В четыре часа, когда я был занят отправкой почты, я вдруг услышал, что за спиной у меня тихонько крадется Хильдегарде. Она подошла совсем близко, и мне показалось, что она протянула ко мне свои руки. Внезапно я почувствовал у себя на шее ее холодные губы. Она крепко схватила меня за руки, словно хотела сделать меня своим пленником, и затем спросила:

«— Иосиф, мой милый, когда же мы поженимся?

«Эта женщина, переходившая от мужчины к мужчине, из города в город, просто решила — и вполне естественно, — что я буду ждать ее здесь, в надежде на тот день, когда каприз погонит ее сюда, ко мне, после десятилетней разлуки!

«От такой неожиданности я почувствовал нечто в роде страха; я понял, что для нее не существует ни времени, ни пространства. Но, несмотря на этот страх — к чему скрывать? — во мне внезапно пробудилось к ней нежное, теплое чувство, и я готов был пред-

ложить ей дружбу, простую, крепкую дружбу, но по любви.

«Она угадала мое настроение с чуткостью антенны.

«— Мой милый друг, — сказала она, — я не надеюсь в доме отдыха. Никто еще не смотрел на меня, как на умирающую или выздоравливающую. Я очень благодарна вам. В мужчинах жалость обнаруживает прекрасных отцов, но неприятных любовников.

«Ее голос перешел в тихий шопот. Она повернулась лицом к окну.

«— Я не останусь ни одной ночи под вашим кровом. Я оставлю ваш дом сегодня же вечером.

«— И не думайте об этом! — вскричал я.

«— Сегодня же вечером, — повторила она, выходясь. — Вы знаете мои странные привычки. Я страшно люблю путешествовать ночью.

«— Но ваши носильщики?

«— Они сразу соберутся в дорогу. Им очень нравится нести меня, потому что я очень легкая.

«— Вы поступаете неразумно. Оставайтесь у меня, отдохните хоть несколько дней.

«— Отдохнуть? У меня будет еще достаточно времени для отдыха, когда я буду в могиле. Я несколько не устала.

«Я пристально посмотрел на нее. Ни тени усталости не было теперь в ее лице. Какая-то странная гордость или еще какое-то чувство зажгли в ней новую жизнь.

«— Меня ждут, — сказала она, — я отправляюсь в далекое путешествие.

«— В Австралию?

«— Нет,—поспешно ответила она.— На мыс Доброй Надежды, как я уже сказала. Я хочу пожить там некоторое время. Когда ваше сердце подскажет вам, приезжайте ко мне. Я всегда говорю «до свиданья» и никогда не говорю «прощайте».

«— Но неужели, Хильдегарде, вам никогда не приходится задумываться о своем будущем?

«— Для меня, друг мой, будущего не существует. Приключения — вот все, что я знаю.

«— Но вы должны быть здоровой и сильной, чтобы наслаждаться тем, что вы любите.

«— Я ничего не люблю.

«— Простите меня — вы любите деньги.

«— Только отчасти и только по-своему...

«— То-есть, как?

«— Где бы я ни была, я не могу тратить деньги ради удовольствия. Я задерживаюсь на одном месте лишь столько времени, сколько необходимо, чтобы заработать денег для дальнейшего путешествия.

«Я ещё раз попытался отговорить ее, апеллируя к ее разуму, но безуспешно. Хильдегарде принадлежала к тому типу людей, которые не умеют учиться на опыте. Она не обладала инстинктом, дающим счастье женщине. И как только наступили сумерки, она покинула мой дом».

Штейн умолк. Я хотел задать ему один вопрос, но удержался, быть может, поддавшись потребности вкусить от таинственного и неизвестного. Но меня страшно интересовало узнать, что случилось с Хильдегарде с тех пор, как она ушла от него.

III

Наступил канун моего отъезда. Целый день шел дождь.

— Итак, ты тоже покидаешь меня? — сказал мой друг, отдавая распоряжения относительно моего походного гамака, носильщиков и багажа. Пока мы обедали, взопла луна, поднявшись над лесом. Когда мы вышли на веранду, она уже заливала своим светом всю долину, придавая ей вид серебристого кратера, на дне которого кипит сверкающий ручей.

— Послушай! — сказал Штейн. — Туземцы поют...

Из деревни, расположенной внизу, до нас доносилась однообразная, нежная мелодия, напоминающая древнюю колыбельную песню.

— Это, — пояснил Штейн, — своеобразная песня, в которой бесконечно повторяются одни и те же слова: «Ах, как ярко светит луна — луна — луна — луна!» Туземцы выходят из своих хижин и садятся на току, где они молотят рис. И здесь, образовав круг, мужчины, женщины, молодые девушки, старики и дети поют хором, пока не откроется луна... Может быть, ты желаешь прогуляться?

Мы прошли к ручью и направились по его берегу, белевшему от цветов арума. Вокруг нас шум водопадов становился все сильнее и сильнее, как будто луна оказывала свое действие на подземную силу воды. Штейн, идя рядом со мной с обнаженной головой, смотрел на звезды и, казалось, ничего больше не видел.

Лицо его выражало экстаз. Я не мог удержаться, чтобы не сказать ему об этом.

Он отвечал:

— Да, верно. В этой стране мы ночью посвящаем себя звездам, быть может, потому, что днем нам приходится остерегаться солнца. И, кроме того, я должен сказать, что в своем страстном изучении звезд я открыл...

— Что ты открыл, мой друг?

— Я открыл происхождение чудесной окраски бабочек, которая так разнообразна и богата, и в то же время так непонятна, что ни один ученый не мог найти объяснения ей.

— Откуда же она происходит?

— Долгое время я думал, — начал Штейн, вздрагивая, — что окраска эта происходит от земли, что она скрыта в почве. В ту пору, когда я еще встречался с Хильдегарде, у меня было убеждение, что только минералы, эта таинственная составная часть земной коры, могли придать такую окраску этим воздушным созданиям — бабочкам.

Я был изумлен, слушая Штейна. Он продолжал:

— Что же навело меня на такую мысль? Во-первых, — разнообразие окраски бабочек, похожей на окраску минералов. Во-вторых, — их блеск, похожий на блеск минералов, и, в-третьих, — соответственное сочетание красок. Ибо из всего, что есть на земле, мы можем наблюдать только у бабочек такие чудесные сочетания цветов, как фиолетового с сурьмяным, черного с голубым, черного с зеленым, голубого с золо-

тистым, медно-желтого с серым, желтого с никелево-белым, серого с серебристым. Эти сочетания мы находим также и в некоторых минералах, как лапидолит, содалит, перистерит, лимонит, эрубестит, амбра и селестит.

«Меня поразили тот факт, что те местности, где встречаются самые крупные и самые красочные бабочки, обычно богаты и самыми разноцветными минералами. Где, например, мы находим самых красивых, самых разноцветных по окраске бабочек? В Колумбии, в Мексике, в Бразилии и Ост-Индии. А где добываются самые ценные минералы? В тех же странах. Такое соотношение не может быть простым совпадением.

— Да, этот факт, действительно, поразителен.

— Безусловно. Но объяснение всего этого, разрешение загадки в конце концов нужно искать не на земле, а на небе, на небе!

Тихонько коснувшись рукой моего плеча, Штейн остановил меня и сказал мягким голосом:

— Теперь, когда луна уже близится к закату, подними голову вверх и взгляни на звезды. Если ты будешь пристально рассматривать их одну за другой, то что ты заметишь? Ты заметишь, что они светят разным светом. Свет Марса — оранжево-красный, Альдебарана — пурпуровый, Геркулеса или, вернее, Альфы в созвездии Геркулеса — багряный, равно как и свет Антары в созвездии Скорпиона. Волопас горит, как рубин, звезды Ориона светят белым светом, а Сириус — голубым.

«Все эти звезды — солнца. Нам известно, что многие солнечные системы имеют по два солнца, вращающиеся одно вокруг другого и иногда дающие свет различного цвета. Таким образом, мы можем предположить, что существует изумрудное или рубиновое солнце, пурпуровое или сапфировое. Эти факты заставляют астрономов задумываться над тем, какие замечательные времена года существуют на неизвестных нам планетах, вращающихся вокруг этих красочных солнц.

«И вот часто тоже приходится задумываться: не существовало ли такого периода в истории нашей планеты, когда земной шар освещался солнцами различного цвета, изливавшими свои многоцветные спектры в атмосферу? Подобно тому, как ночь на Сатурне освещается десятью лунами, непрерывно стремящимися догнать одна другую, быть может, и день на нашей планете когда-то освещался десятью солнцами различных цветов. Подобно тому, как звезды и все вообще в природе рождается, живет и умирает, так и эти солнца исчезли в свое время, и осталось только одно — наше золотистое солнце. Представь же себе, как невообразимо прекрасна должна быть наша земля! Это — рай, непрерывно производящий новые цвета не только на небе, но и в горах, в лесах, в прериях, на озерах, на морском берегу, на океане, и дающий непрерывную призматическую игру красок, производимую, быть может, не одним солнцем, а целым множеством их!

«Теперь перейдем к бабочкам. Это, действительно, редкие, чудесные создания. Подобно другим насекомым, они были в числе первых живых существ, появившихся на нашей планете. Они очень нуждаются в тепле. Самые крупные из них и наиболее богатые красками встречаются у тропиков и юблизи экватора. И невольно возникает вопрос — не ведут ли они своего начала от той эпохи, когда земля, будучи гораздо теплее, чем теперь, — так как она согревалась несколькими солнцами, — находилась в сфере постоянной игры солнечного и звездного света, отражение которого запечатлелось на их крыльях?

«Дальше. Возьмем, например, эти пятнышки на крыльях бабочек, обычно называемые «глазами». Возникает вопрос — не являются ли эти пятна, кольца и венцы образами исчезнувших солнц? Таким образом, окраска бабочек наводит на мысль о происхождении ее от минералов, потому что солнце и звезды содержат те же самые металлы и другие элементы, какие мы находим в Земле.

«Разве не кажется странным тот факт, что ученые многим бабочкам дали названия, имеющие отношение к небу и его планетам? Мы имеем, например, бабочек, которые называются: сатурния, вулкан, юли-тер, акция с луно, селена, луноза, астерис, сателлита, небюла и урания.. Как ты смотришь на это?»

— Во всяком случае, это замечательная идея.

— Ну, конечно! — воскликнул Штейн с энтузиазмом, в котором слышалась грустная нотка. — Все это

может быть названо теорией, имеющей то преимущество, что она дает мир и гармонию сердцу и уму.

— Но до какого предела ты можешь доводить свою идею?

— Мой дорогой друг, я могу идти очень далеко... Все бесконечно. Если я могу установить связь между меняющейся окраской бабочек и меняющимся цветом различных солнц, то разве я не могу объяснить странное непостоянство некоторых дочерей человеческих, установив связь между ними и светом, заимствованным от блуждающих звезд? Судьба заставляет нас тяготеть к таким женщинам, мы становимся их спутниками, и они или освещают наш жизненный путь, или погружают его во мрак.

«Мы невольно приходим к такому заключению. Ученые и физики, наиболее авторитетные люди в этом вопросе, утверждают, что эта зависимость гораздо больше той, какая предполагалась когда-то астрологами и разными псевдо-учеными. Теперь уже считается установленным тот факт, что звезды и метеоры, посредством своих эфирных волн, еще не совсем поддающихся исследованию, оказывают влияние на нервную систему человека. То, что на земле может считаться беспорядком и дисгармонией, с точки зрения вселенной, может быть, является строгой системой, полным порядком, совершеннейшей гармонией».

По мере того, как воображение моего друга поднималось все выше и выше, я все больше и больше противился его словам, как если бы я слушал какую-нибудь возвышенную мелодию. Я повернулся к нему

лицом, словно собирался распротиться с ним навсегда в эту трепещущую жизнью ночь.

Мой друг внезапно остановился, его рука тяжело упала мне на грудь, и он воскликнул:

— Вот в такую как-раз ночь на этом повороте дороги я распрощался с Хильдегарде... Навсегда...

— Но, может быть, вы еще встретитесь когда-нибудь! — вскричал я.

— Нет, никогда! — Полус Штейна сделался напряженным... — Я расскажу тебе все до конца... После того, как Хильдегарде ушла от меня, она отправилась в Порто-Ново. И там, вместо того, чтобы четыре дня ждать парохода „British India“, она, в силу каких-то побуждений или просто благодаря своей нетерпеливости, села на грузовую пароход „Rajah“, державший курс к мысу Доброй Надежды. И пароход этот затонул, не доходя до Свакопмонда.

«На этом морском пути кораблекрушения происходят уже сотни лет, и обычно они случаются оттого, что суда налетают на скалы, которые бывают окутаны густым туманом. Но на пароходе, на котором находилась Хильдегарде, случился пожар — и пожар не совсем обычный.

— Ну, и что же?

— Точных сведений не имеется, так как никто из находившихся на пароходе не спасся. Люди, наблюдавшие гибель судна с африканского побережья, говорят, что они видели ночью на море огромный огненный глоб...

Штейн повторил последние слова с какой-то экзальтацией:

— Огромный огненный столб на море — вот и все! Я думаю днем и ночью — не лежит ли на мне до некоторой степени вина за эту катастрофу. Хильдегарде избрала южный путь исключительно с той целью, чтобы видеть меня, а я не сумел удержать ее при себе. И к тому же ее последние слова, которые всегда звучат у меня в ушах... Когда она села в свой походный гамак, я преподнес ей букет роз, которые нарвал для нее в своем саду. Она с радостью потянулась к цветам.

«— Но где же вы будете обедать? — спросил я в последний момент.

«Она посмотрела на меня забываемым, светлым взглядом и сказала:

«— Я совсем не буду обедать. Я буду вдыхать аромат этих цветов!»

Никто из нас не сказал больше ни слова, и мы повернули домой. Туземцы уже перестали петь. Над огромным, погруженным в сон лесом, темнело черное трошеческое небо, усаженное бесчисленными созвездиями, настолько яркими, чистыми и теплыми, что, казалось, все мириады звезд тихо мерцая, с любовью изливали свой свет на землю.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО

дает своим подписчикам в 1928 году

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕН.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

В собрание войдут все художественные произведения Льва Толстого, а также все те произведения, которые из-за царских цензурных условий до сих пор не включались ни в одно собрание сочинений Л. Н. Толстого. Собрание будет состоять из 24-х книг большого формата (всего 4.600 стр.).

Условия подписки на „ОГОНЕК“ с приложениями:

1-й абонемент: „О Г О Н Е К“ с приложением сочинений
Л. Н. ТОЛСТОГО:

52 №№-ра журнала „Огонек“ с прилож. Полн. Собр. Художественных Соч. Льва Толстого в 24-х книгах. Год . . . 13 р. 50 к.

Допускается рассрочка в четыре срока: не позднее декабря — 4 р., к 1 марта — 3 р. 50 к., к 1 мая — 3 р. и к 1 июля — 3 р.

2-й абонемент: „О Г О Н Е К“ с приложением
БИБЛИОТЕКИ „ОГОНЕК“:

52 №№-ра „Огонька“ с приложением 104 книжек Библиотеки „Огонек“. Год — 13 р. 50 к., полгода — 7 р., 3 мес. — 3 р. 75 к., 1 мес. — 1 р. 40 к.

3-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением сочинений
Л. Н. ТОЛСТОГО и БИБЛИОТЕКИ „ОГОНЕК“:

52 №№-ра „Огонька“ с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Льва Толстого в 24-х книгах и 104 книжек Библиотеки „Огонек“. Год — 22 р. Допускается рассрочка: при подписке не позднее декабря 5 р., к 1 марта — 5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сентября — по 4 р.

„ОГОНЕК“ БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ:

52 №№-ра журнала. Год — 4 р. 50 к., 1/2 года — 2 р. 40 к., 3 мес. — 1 р. 20 к., 1 мес. — 40 к.

Подписчики на „ОГОНЕК“ с приложением сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО, внесшие сразу подписную плату полностью, получают БЕСПЛАТНО большой художественный портрет Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

МОСКВА 6, Страстной бульвар, 11. Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“. Подписка принимается также во всех почт. учреждениях, в отдел. „Правды“ и „Извест.“, у местных контрагент. и во всех ж.-д. киосках Контрагт. Печати.